

Скрипка

Карима Сорокоумова

18+

Карима Сорокоумова

Скрипка

«Автор»

2026

Сорокоумова К.

Скрипка / К. Сорокоумова — «Автор», 2026

Повесть о терпении, мужском благородстве и истинном таваккуле. История о том, как через проявление ихсана, бережное уважение к чужим границам и искреннее упование на Создателя израненная душа способна растопить лёд и зазвучать заново.

© Сорокоумова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Карима Сорокоумова

Скрипка

* * *

Рейхана

Ещё один рабочий день подходил к завершению. Я любила свою работу. Любила животных. Любила им помогать.

Но сегодня творилось что-то сверхъестественное. Все буквально ломались к нам без записи и без очереди. Словно все несчастные случаи с животными по какой-то одному Создателю известной причине случились именно сегодня.

— Всё, я домой, у меня уже в глазах двоится... — заявил дядя. — И тебе советую закрыть пораньше. Сегодня что-то прямо из ряда вон выходящее. Всех, кто по записи, приняли. Хватит на сегодня...

— Я досижу до восьми, — отозвалась я, зевая и глядя сквозь стеклянную стену клиники на оживлённую улицу.

Почему-то совесть не позволяла мне бросить в беде возможных пациентов, даже если они попадут в нашу клинику без записи.

— Ладно, давай, звякну тебе через час... Ассаляму алейкум.

— Ва алейкум ассалам, дядя.

Он вышел, а я впервые с утра взяла в руки телефон, стряхнув с него чью-то шерсть.

СубханаЛлах, что за день...

Я невольно покачала головой.

* * *

Ихсан

Я стоял на станции в ожидании электрички, прибытие которой в очередной раз откладывалось на час.

Со мной была огромная псина — кавказская овчарка. Сидеть на месте зверю не нравилось, и мы в сто первый раз гуляли туда-сюда по платформе.

Пёс, принадлежавший деду и служивший ему верой и правдой уже несколько лет, умудрился где-то рассадить лапу. Рана не заживала, пёс хромал, и в этот раз, когда я приехал к деду, он загрузил меня задачей свозить собаку в ветеринарную клинику. Одна такая стояла в двух домах от моего, и моему брату по вере там недавно спасли от верной смерти сбитого машиной кота.

Имея положительный отзыв и информацию «там мусульмане», в это заведение я и повёз пострадавшего гиганта, не имея желания лазать по незнакомому мне Подмосковию в поисках надёжной ветеринарки.

Из-за опаздывающей электрички мы давно пропустили запись, но я надеялся, что нас всё же примут. Если что, я готов был раскошелиться, чтобы «отремонтировать» дедов аманат и закрыть задачу.

Собака лаяла громко, но сама по себе была безобидной и ласковой, людей любила и своё невесть кем придуманное имя — Зефир — оправдывала в полной мере. Это был тот случай, когда «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». Поэтому я мог быть спокоен, что пёс никого не сожрёт, пока я тут гуляю, — разве что напугает чрезмерной любвеобильностью, — иначе я бы умучился сдерживать такую махину.

Вынуждено пролежав на полу всю поездку в пришедшей наконец электричке, в городе, на пороге клиники, пёс вдруг оживился настолько, что бодро, с радостным басистым лаем рванул в открытую мною дверь. Так бодро, что поводок остался у меня в руках. И прежде чем я успел среагировать, пёс исчез в открытом настежь кабинете. Я поспешил за ним, на ходу успев порадоваться тому, что в приёмной не было ни одного человека — иначе порыв моего лохматого монстра точно вызвал бы масштабную панику и переполох.

Влетев в кабинет вслед за собакой, я застыл. Пёс стоял на задних лапах, пытаясь лизнуть лицо хрупкой девчонке в голубом медицинском халате и в платке. У неё отчаянно звонил телефон, который она никак не могла выудить из кармана. Потому что радостно размахивающий хвостом пёс своими тяжеленными лапами, лежащими на её плечах, совершенно её обездвижил, заодно закрыв ей своей массой шерсти какой-либо обзор.

— Да, малыш, я тебя тоже люблю, — обняв его в ответ, вздохнула она. — СубханаЛлах, теперь и в этом платке намаз читать не смогу...

Пока я соображал, что делать, она нащупала-таки телефон в кармане.

— Алейкум салям... Да, дядя. Замечательно всё... Вот.

Она открыла камеру, показывая собеседнику своё селфи в обнимку с собакой.

— Вот так, в общем... Зря ты с работы ушёл. Весело тут.

Весёлый мужской смех в трубке достиг даже моих ушей.

Она закрыла телефон и наконец повернула голову в мою сторону.

— Зефир! — ко мне вернулся дар речи.

— Малыш, давай ты успокоишься и покажешь мне, что у тебя болит... — резонно заметила она. — А то ты меня сейчас свалишь.

— Простите, — я так и стоял, не очень понимая, как расцеплять этих двоих. —

Но она сумела как-то сама уговорить пса снова встать на четыре лапы.

Я поднял руку с поводком.

— Давайте я пристегну...

Но она покачала головой.

— Ошейник слетел — штырёк сломался, скорее всего...

Глянув на моток поводка в своей руке, я действительно обнаружил, что ошейник болтается здесь же. Я проверил: как она и предсказала, штырька не было вовсе.

— Сейчас...

Она открыла какой-то ящик, и я увидел там штук десять ошейников разного калибра. Видимо, ветеринары — люди запасливые.

Достав самый большой, она собственноручно надела его на пса и сообщила:

— Готово... На что жалуетесь-то? Лапа задняя?

— Ассаляму алейкум, — наконец отвис я. — Мы на пять записаны были — электричку отложили, только сейчас добрались. Примите, надеюсь. Да, лапа...

— Ва алейкум ассалям, — отозвалась она, не глядя на меня и уже рассматривая рану под лампой. — Ой, как тут всё плохо... Тут оперировать только. Запустили конкретно.

Я вздохнул. Я понимал: мы пришли под закрытие, а операция — это наркоз, и это надолго. Перспектива тащиться с больным псом обратно, не добившись результата, откровенно удручала меня. Я рассчитывал вернуться сегодня, чтобы завтра полноценно работать, мне надо было преподавать с девяти утра.

Она быстро написала на листке с логотипом клиники, стопка которых лежала тут же, несколько чисел, затем с помощью калькулятора на телефоне вывела окончательное и показала мне:

— Вот итоговая сумма с пояснениями. Устраивает?

Обрадованный тем, что она явно была настроена заняться неожиданным пациентом уже сейчас, я вздохнул с облегчением. Цифра на листе, расписанная по составляющим, была вполне мне по карману, и я согласно кивнул.

* * *

— Мне нужно что-то делать? — неуверенно спросил я, машинально глянув сквозь стеклянную стену на спешащих куда-то людей.

Девушка выглядела как человек, знающий своё дело, однако было видно невооружённым глазом, что она тут одна и никаких ассистентов у неё нет.

Она покачала головой.

— Я сама. Можете в фойе посидеть. Вы мне понадобится позже — помочь с операционного стола его снять: я врач, а не тяжелоатлет... Оставлять там нельзя — когда от наркоза начнёт отходить, будет лапами дёргать и пытаться встать, и может свалиться и травму получить..

Я понимающе кивнул. Она позвала собаку и похлопала по столу.

— Сюда полезай, малыш... Ага, вот сюда. Будем тебя лечить.

Пёс был, к счастью, сообразительный, и сам влез на стол, который по размеру был ему впритык.

Девушка поставила собаке укол, достала перчатки, инструменты, натянула хирургическую маску и когда пёс начал отрубаться, коснулась его века, удовлетворённо кивнула и отпустила меня с миром в вестибюль.

— Если кто зайдёт, скажите, что я на операции, не могу принять...

Кивнув, я покинул кабинет.

Я взял себе кофе из автомата перед клиникой, потому что чувствовал, что у меня закрываются глаза. Попробовал провалиться в соцсети, чтобы как-то ожить.

Девушка появилась через некоторое время.

— Так, защитный воротник дам — вот он. Обязательно надевать, иначе швы разлижет. Язык очень шершавый, бактерий там куча... Антибиотик вколола, инфекции не должно быть, но всё в жизни случается... Если гной будет или шов горячий станет или сам пёс вялым будет, откажется есть — сразу звоните, вот номер наш. Шов внутри саморассасывающийся, а сверху обычный, его надо будет снять, приходится через десять дней. Если на выходной попадёт, на день-два позже можно, не страшно... В аптеке хлоргексидин возьмёте, вот здесь написала, как и сколько обрабатывать. Про воротник видео вам послать на тот телефон, который при записи указывали?

Я кивнул.

— Отправила... А теперь помогите мне его на коврик переложить.

Я пошёл за ней в кабинет и по её просьбе взялся за другой конец хирургической подстилки, на которой неподвижно лежал тяжеленный зверь.

Мы сняли его и осторожно опустили на похожий на спортивный мат коврик.

— Всё, — сообщила она. — Вы за городом живёте, ждать будете?

— Нет, это деда собака, он за городом живёт, я здесь, в двух домах отсюда...

— Отлично, — заключила она. — Тогда можете домой идти пока. Вам ведь всё равно, наверное, переодеться надо после собаки, чтобы намаз почитать... А утром приходите.

— Можно пораньше? — попросил я. — Мне работать с девяти просто, отвезти бы его домой до этого.

— Хоть на утренний намаз приходите, — отозвалась она.

— Хорошо, на намаз тогда, иншаАллах, — с облегчением вздохнул я.

Я попрощался и вышел. И только по пути сообразил: она закрыла клинику на замок прямо за мной, оставшись внутри.

Девчонка осталась ночевать в клинике — дежурить с моей собакой.

* * *

Вопреки моим опасениям, клиника была открыта, когда я подошёл сразу после намаза. Девушка вышла навстречу и, заметив её налитые кровью глаза, я почувствовал укол совести.

— Простите за беспокойство... — я начал диалог с этих слов после саляма. — Я не сообразил, что вам здесь придётся остаться...

— Не в первый раз, — спокойно отозвалась она. — В последний раз был сенбернар, порванный бультерьером...

Я улыбнулся про себя.

Она вывела ко мне Зефира. У пошатывающейся собаки слегка разъезжались лапы.

— Это нормально после наркоза. Он в порядке... Воду я ему уже давала — всё хорошо прошло. Как довезёте, в принципе, можете кормить, только с чего-то жидкого начните... Да, на чистку зубов привозите раз в полгода хотя бы — я быструю сделала, зубы неважно выглядят.

— Так давайте я доплачу, — спохватился я.

— Не надо, — покачала головой она. — Это простая процедура, и мне, в конце концов, тоже хасанат нужны.

— ДжазакумуЛлаху хайран.

— Уа ийякум, — отозвалась она.

Я попрощался, забрал собаку и вышел.

На протяжении всего разговора, и вчера и сегодня, она ни разу не посмотрела мне в глаза. И это было стопроцентно правильно. Но сейчас у меня возникло странное, иррациональное желание — встретиться с ней взглядом. Чтобы она посмотрела на меня. Чтобы она меня увидела.

Я покачал головой, прогоняя наваждение.

АстагфируЛлах...

* * *

Рейхана

Сидя на диване, поджав ноги, я смотрела на дату на своём телефоне. Будучи мусульманкой, я не отмечала никакие даты, кроме двух мусульманских праздников. Но эту дату не смогла не запомнить.

Дядя был глубоко религиозным человеком всегда, сколько я себя помнила. Его младший брат — мой отец, — ярым атеистом.

Я тянулась к дяде всю жизнь. Потому что он был добрым. Потому что спасал животных. Потому что любил меня как родной отец, хотя у него было двое своих сыновей, намного старше меня.

Отцу не нравилось, когда я ходила к дяде, — по его мнению, дядя «забивал мне голову своим фанатизмом». Но меня тянуло в дядин дом — где не пили, не матерились и не кричали — будто магнитом. И я часто бежала к нему после школы вместо того, чтобы идти домой. К счастью, в основном нетрезвый, отец далеко не всегда замечал моё отсутствие, а когда замечал, ворчал:

— Опять тебя туда понесло. Дома своего нет, что ли? Что ты там забыла?

— Нужно поддерживать родственные связи, — наивно хлопая глазами, отвечала десятилетняя я.

И он раздражённо вздыхал в ответ, без труда узнавая дядины речи в моих.

Я читала исламские книжки со своими двоюродными братьями. Они всей семьёй рассказывали мне об исламе. Я смотрела у них исламские мультики. Научилась читать намаз — это была наша с дядей тайна. Я читала намаз вместе с ними. Научилась читать Коран, как они.

Я не рассказывала даже маме, но она догадывалась и так.

Наступило время, когда и мама стала чаще заходить к дядиной жене. Искала поддержки, потому что отец пил всё больше, и нам обеим становилось всё страшнее.

Мне исполнилось четырнадцать, и я чувствовала себя странно. Для папы, который по мере углубления своего алкоголизма становился всё агрессивнее и свирепее, я была просто девочка. Но в душе я была стопроцентной мусульманкой, и мне было всё тяжелее ходить без хиджаба, понимая, что по религиозным меркам я уже совершеннолетняя, пусть и с недавних пор.

Мама уже знала. Я спокойно читала намаз при ней. Она не тянулась к религии, но и не осуждала мой выбор, видя пример дядиной семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.